

***

– Семён Геральдович! Идите пить чай!

Старик нехотя оторвался от созерцания плохой репродукции картины Шишкина «Рожь». Помутневшими глазами, плохо различавшими цвета, он вглядывался в фигурки крестьян уходивших куда-то за горизонт.

– Ну, Семён Геральдович! Что же вы меня, не слышите что ли? – женщина средних лет с косынкой, повязанной поверх грязных волос, вышла из кухни и с укором посмотрела на старика.

Тот заворочался в выдавшем виды кресле, и, повернувшись вполоборота, невинно посмотрел на нее:

– Любаша, прости, я тебя не слышал.

Она помогла ему подняться, под локоть проводила в кухню и усадила за стол. Собственно, кухней бетонную комнатку в служебных помещениях станции «Проспект Вернадского» можно было назвать с большой натяжкой. Семья бывшего профессора бывшего Московского Государственного Университета товарища Сормова занимала две комнаты коммунальной квартиры номер четыре.

Ректорат преобразовал жизненное пространство станций под нужды уцелевших сограждан. Были демонтированы агрегаты метрополитена, которые уже никогда бы не пригодились. К чему они? За двадцать лет ни один синий поезд, весело сверкая огнями, не въехал на станцию. По путям пускали только дрезины на ручной тяге либо, что было совсем уж большой редкостью, дрезины с электроприводом. Это было необходимо для перевозки особо крупных грузов, изредка для проводов в последний путь самых выдающихся людей Подземелья.

Наше Подземелье.... Да, так, с любовью, называли его обитатели. Лишь немногие помнили мир на поверхности. Некоторые, особенно те, кто разменял седьмой-восьмой десяток, замыкались в себе. Они погружались в радужный мир своей молодости, когда на небе светило солнце, а девушки носили воздушные сарафаны и мило улыбались. Теперь женщины надевали грубо скроенные брюки, робы и армейскую обувь. Во влажной сырой атмосфере московского подземелья лучше этой одежды было сложно придумать.

Семён Геральдович думал о своём, прихлебывая чёрный напиток из эмалированной кружки, который по традиции называли чаем. Он не сразу понял, что Любаша что-то ему рассказывает.

– ... А они мне говорят, мол, нет, ничего нам не надо. Только сами приходите! Ну, как так можно, Семён Геральдович?! Нельзя же так! Что мы, не люди что ли? Обязательно надо подарок! – она внимательно посмотрела на него, ожидая ответа.

– Да, да, конечно, голубушка, – пробормотал старик.

– Вот и я говорю – нужен подарок! – женщина удовлетворилась ответом. На ее лице, бледном, с ранними морщинами, появилась слабая улыбка. – Я сегодня же побегу к Баричу! Говорят, воскресный караван привез кое-что интересненькое! Я возьму денег из коробки, ладно?

Последнее было скорее не вопросом, а утверждением. Старик знал, что она возьмет немного больше денег, чем нужно. Это была её почти единственная отрада. Нет, конечно же, не сами деньги, а то, что на них можно было купить. Повинуясь извечному женскому инстинкту, она ходила к торговцам на станцию будто бы в универмаг. Долго-долго перебирала вещи из коробок, примеривала на себя, прикидывала, куда можно поставить в доме. И обязательно что-нибудь покупала. Нужное или нет – неважно. Потому дом старого профессора наполнялся всяческими безделушками, которые раздаривались друзьям, или мирно доживали свой век, как и он сам.

Хотя он считал Любашу своей дочерью, а она его отцом, родства меж ними не было. За давностью лет обстоятельства их знакомства были обоюдно позабыты. Так было легче обоим. Наверное, размышлял Семён Геральдович, она была его студенткой, и судьба свела их вместе в трудное время.

Он не обижался на неё за маленькие особенности характера. Она исправно готовила, стирала, убирала, была приятным и ненавязчивым собеседником. Пенсии старого профессора вполне хватало на удовлетворение её потребностей в самовыражении.

Старик порой корил себя за то, что из-за него Любаша так и не вышла замуж, пока была ещё молода и привлекательна. Теперь уже поздно. Найти ей жениха станет ещё сложнее со временем, поскольку взрослых мужчин становится всё меньше и меньше.

– Вам нравится чай? – спросила его дочь.

– Да, конечно, очень вкусный! – произнес Семён Геральдович.

На самом деле он внимательно прислушивался к ощущениям внутри. Недавно его начали мучить боли внизу живота после употребления напитка, который местные звали «чаем». Профессор связывал это с возрастом, когда желудок начинает хуже переваривать, и более не воспринимает грубую пищу. Возможно, подумалось с грустью, однажды он станет обузой для дочери. Это случится, когда его организм перестанет принимать обычную пищу из жареной и вареной свинины, грибов и консервов.

Тогда уж лучше сразу отправиться в Гробницу – одно из помещений на подземных этажах главного здания МГУ. Туда помещали тела умерших жителей. Некоторые уходили добровольно, не в силах больше переносить суровую жизнь «нашего Подземелья». Их не держали. Вообще никого насильно не держали. В мире жёстко ограниченных ресурсов это было бы непозволительной роскошью. Короткая беседа с психологом, и специальный человек-избавитель с уколом яда.

Под принудительную инъекцию также отправлялись уроды и слабоумные. Юродивых на станциях не держали. В первые годы после Катастрофы было много больных и уродливых детей. Тогда казалось, что выжившие обречены на полное уничтожение, ведь без детей нет будущего. Но опасения оказались ложными. Со временем генофонд стабилизировался, и появилась надежда на лучшую жизнь.

Одним из первых законов Ректорат принял декрет о принудительном уничтожении неполноценных детей, а больным взрослым было запрещено рожать. Это трудное решение чуть было не привело к вооруженному бунту, но, к счастью, людей удалось убедить в необходимости ввода таких мер.

– Дорогая, – попросил Сормов. – Не могла бы ты проводить меня в уборную?

– Конечно, конечно, папа! – женщина захлопотала словно курушка.

Накинув сверху старую шаль, она вывела отца в коридор. Несколько лапочек тускло освещали стены, покрытые облупившейся серой краской, куда выходило ещё четыре двери. В двух из них также жили профессора. В третью въехал молодой патрульный Скворцов, заняв её вместо профессора зоологии Завьялова, скончавшегося неделю назад. Старик жил один, наследников у него не было. Потому жилплощадь, столь ценную как раньше, так и ныне, решением Ректората передали молодой семье. У патрульного и его жены подрастал сынок.

Уборная располагалась в конце коридора. Когда-то в неё можно было попасть только с путей, и предназначалась она для монтажников и путевых рабочих. Но жильцы проломили стену, а выход в темный туннель заложили кирпичом.

Оставив отца в кабинке, Люба подошла к зеркалу, и в неверном свете сороковаттной лампочки принялась разглядывать своё лицо. Красивая, подумала она, проводя пальцем по пыльному стеклу. Только слегка дряблая кожа, десятилетия не видевшая солнечного света, да потускневшие глаза. Если навести немного лоска, то будет девка на выданье. Хотя, какая девка – сорок лет.

За спиной раздался звук спускаемой воды. Отец закончил свои дела и вышел к раковине. Пока он умывал руки и лицо, Люба взяла ковшик и долила в сливной бачок немного воды из бочки. Времена центрального водопровода и канализации давно прошли.

– Знаешь, дочка, я прилягу, – сказал Семён Геральдович. – Мне нездоровится что-то.

– Конечно, папа!

Она уложила отца на кушетку и накрыла теплым одеялом. В сыром климате метрополитена его кости болели всё сильнее с каждым годом. Она выпросила толстое одеяло у подруги, перешитое из матраса. Им она укрывала старика. Особенно трудно было зимой, когда вентиляционные шахты засасывали с поверхности мокрый, холодный воздух.

Раньше, когда московский метрополитен пропускал через себя миллионы людей ежедневно, пассажирам было даже жарко. Но теперь нет ни поездов, ни пассажиров. И костей не осталось. С ними ушло и тепло. Люди жгли костры, чтобы согреться, сбивались в кучу. Трудное было время, голодное.

Много сталкеров погибало на поверхности. Глубокий снежный покров скрывал опаснейшие ловушки, глубокие ямы. Падение грозило переломом или пробоем ОЗК¹. Чтобы добраться до необходимых вещей, скрытых в заснеженных остовах городских построек, приходилось проделывать туннели. Живность на поверхности, выросшая в суровых условиях ядерной зимы, была отлично приспособлена к выживанию. В отличие от людей. Помимо привычных сталкерам обитателей руин, активных в любое время года, зимой на охоту выходили снежные черви. По рассказам выживших, это были гибкие создания, достигавшие в длину до пяти метров. Они ловко лавировали между остовов машин, разрушенных стен и прочего мусора, оставшегося после Катастрофы. Внезапно высовываясь из-под земли, они прокусывали жертве ноги, а потом ждали, пока она истечет кровью. Людям удалось убить только одного червя. Прапорщик Михайлов, понимая, что спастись уже не удастся, подорвал себя гранатой вместе с мерзкой тварью. Останки доставили в лабораторию на «Университете» профессору Ревунову. Ныне чучело червя Михайлова-Ревунова можно увидеть в музее естественной истории. За каждое знание людям приходилось платить кровью.

---

¹ Индивидуальные средства защиты, предназначены для защиты людей от радиоактивных, отравляющих веществ и бактериологических (биологических) средств. Современный противогаз защищает от попадания в органы дыхания, в глаза и на лицо радиоактивных, отравляющих веществ и бактериологических (биологических) средств. Респираторы исключают попадание в органы дыхания веществ в аэрозольном состоянии, главным образом радиоактивной пыли. Защитная одежда (плащ, чулки и перчатки, лёгкий защитный костюм, защитный комбинезон и др.) предохраняет кожные покровы и обмундирование от заражения радиоактивными веществами и бактериологическими средствами и уменьшает степень поражения световым излучением. Она изготавливается из воздухонепроницаемых, эластичных и морозостойких материалов.

Уложив отца, Любаша немного посидела рядом на табурете, слегка поглаживая его по седым волосам. Услышав ровное дыхание, она тихо встала и подошла к серванту. В верхнем ящике лежала старая коробка из-под конфет, в которой хранились деньги.

Внутри республики Университет, включавшей в себя три последних станции Сокольнической линии, в обращении были старинные деньги, ходившие до Катастрофы. Чтобы торговать с Большим Метро, лежащим за разрушенным метромостом с утонувшей станцией «Воробьевы горы», приходилось использовать валюту, ходившую там. Это были обычные патроны к автомату Калашникова – самому распространенному оружию в Метрополитене имени Ленина. Кое-где, особенно на станциях, погруженных в анархию и беспредел, количество патронов равнялось длительности жизни.

Пока старик мирно спал, Люба вышла из комнаты и заперла её на ключ. Поправив косынку, она пошла через жилые блоки в сторону платформы, здороваясь с встречными. Настроение было отличное – она шла за покупками!

***

Абрам Барич ждал покупателей в обычном месте – рядом с будкой дежурного. На путях стояла дрезина с товарами, упакованными в большие мешки и коробки. Торговец выложил образцы на скамеечки, а сам, усевшись в кресло, принесённое из кинотеатра, думал о жизни. Выпив, он любил травить байки о том, как в молодости, будучи сталкером, самолично вынес это кресло из кинотеатра «Звездный». Люди кивали, но особо никто в это не верил. Барич был слишком осторожен и труслив, чтобы рисковать своей жизнью и показываться на поверхности.

Рядом с лотками расположились два бугая-охранника. Они играли в кости на щелбаны, и задорно отбивали выигрыш на низких лбах друг друга. Пожилой еврей, сложив руки на животе, смотрел на них словно на детей.

Увидев Любашу, Барич мгновенно оживился.

– Здравствуйте, дорогая! Где же вы так долго пропадали? – и сразу же продолжил, не давая сказать ей ни слова. – Сегодня у меня замечательный товар, просто архиисключительный! Посмотрите: отличные бусы с Фрунзенской, а вот духи с Парка Культуры! Понюхайте... ах, ах, какой запах! Это особый сорт грибов, выращенный местными селекционерами. Почти точная копия горной лаванды. Берите, не пожалеете!

Намётанным взглядом он видел, что Любаша начинает млеть от обилия интересных вещей. Он бы и дальше продолжал расхваливать товар, но вдруг у лотка появился небритый тип с шальными глазами.

– Оружие есть? – буркнул он.

Это был местный юродивый Иванушка. Точного имени его никто не знал, потому звали так просто – Иванушка. После чисток, когда всех больных и уродов пускали в расход, Ректорат стал понимать, что людям всё же нужны юродивые и дурачки, чтобы заботиться о них. После того, как переживших Катастрофу кошек и собак съели, образовалась ниша, которую нужно было заполнить.

Отряд сталкеров нашел Иванушку на поверхности. Он был одет в армейский защитный костюм с неизвестными нашивками, и сидел за рулем сгоревшего троллейбуса. Солдат громко объявлял остановки кучкам праха на сиденьях и советовался со скелетом водителя, которого аккуратно посадил рядом. Парень был совершенно невменяем, но, как ни странно, физически здоров.

Отряд привел его на допрос, но Иванушка только шутил и смеялся. Поскольку опасности он не представлял, ему разрешили остаться на станции и определили работать на свиноферме. В коллективе его состояние улучшилось, речь стала связной, а в глазах появились проблески интеллекта.

Последние пару месяцев он ходил сам не свой, постоянно твердя о какой-то миссии или поручении, которое ему дали, но подробностей вспомнить не мог. Требовал ОЗК и тяжелое вооружение. Конечно, над ним смеялись. Да и он, увидев это, тоже начинал смеяться и уходил прочь.

Барич знал Иванушку. И потому сразу же завернул его назад:

– Ванюша, иди, иди отсюда, – ласково сказал он.

– Нет, - упрямо промолвил дурачок. – Мне нужен автомат АК-74, триста патронов к нему, бронежилет и консервный нож.

– А зачем тебе консервный нож?! – удивился торговец.

– Тушенку армейскую открыть, – терпеливо объяснил парень. – У меня ребята сидят рядом с банками голодные, а открыть не могут. Я им должен консервный нож принести.

– Где они сидят-то? – спросила Любаша.

На лице юродивого проступили следы упорной работы мысли.

– Я не помню, – сказал он и заплакал.

– Шел бы ты отсюда, паря, – с угрозой сказал один из бугаёв. Это был новенький, которого Абрам нанял на ганзейской станции «Октябрьская». Он носил пулеметные ленты крест-накрест как революционный матрос. Понтуетса, подумал Барич, когда впервые увидел его. Однако с собой взял из-за устрашающего вида.

– Не трожь его... – сказал, было, Абрам, но было уже поздно.

Иванушка сорвался с места и залепил костяшками пальцев охраннику прямо под скулу. Тот рухнул как подкошенный. Второй схватился за оружие, но слева и справа, словно из-под земли, выскочили патрульные.

– Всем стоять!!! – заорал главный с нашивками сержанта.

Один из солдат наклонился к поверженному громиле и пощупал пульс.

– Жив, но в глубокой отключке, – доложил он.

– Иванушка, – сержант старался говорить ласково. – Что ж ты гостей обижаешь?

Парень молчал.

– В камеру его, – грустно приказал сержант.

– Что с ним будет? – спросила Люба. Как и многие другие, она любила Иванушку за незлобивый характер. А тут такое!

– Не знаю, – ответил сержант. – Извините, пожалуйста!

Конвой удалился, и Барич поспешил продолжить торг. За годы частного предпринимательства в жестком мире московской подземки он научился не обращать внимания на мелкие жизненные неурядицы. Однако настроение Любаши было уже не то, и она поспешила выбрать подарок – настольную лампу с зелёным абажуром.

Расплатившись с торговцем, она пошла восвояси.

Леонов Евгений Николаевич

Ноябрь 2007 года